

§5 АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО: БИЗНЕС, ЭКОНОМИКА, ФИНАНСЫ

10.7256/1999-2807.2013.03.8

С.С. Боголюбский

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ВИКТИМНОГО, ВОЗНИКАЮЩЕГО ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступления предпринимателей не следует считать в чистом виде «экономическими», они могут и не быть таковыми в современный период. Хотя еще 20 лет назад, в криминологической науке высказывали мнение, что экономическая преступность состоит из посягательств на собственность и порядок осуществления предпринимательской деятельности¹. Эта позиция думается, проистекает из доктринальных положений досоветского периода развития уголовного права об оценке экономических преступлений, которая заключена в том, что почти все они направлены против собственности².

Наряду с этим, даже интегративные признаки экономических преступлений, внешне характерные для преступлений предпринимателей, фактически не соответствуют последним де-факто и не могут служить для объяснения природы преступного в них. Так, например, совершение преступлений, продуцированных от предпринимательской деятельности, могут не иметь цели получения имущественной выгоды и не содержать причинения вреда охраняемым законом экономическим интересам граждан и государства.

Примечательное в этой связи следующее суждение — «...любой договор хозяйствующих субъектов, приносящий выгоду всем субъектам, может быть оценен по-разному с точки зрения его материальной выгоды для разных субъектов: для одного субъекта он точно будет более выгоден, чем для другого (хотя, наверное, возможен

и полный паритет, но в условиях конкурентной борьбы достичь идеального равновесия очень сложно). Следовательно, любые экономические отношения договорного типа, т.е. абсолютно легальные, могут быть расценены как присвоение, например, одним субъектом, полученного им по договору»³. Проводя далее аналогичные суждения, следует признать, что даже действующий УК РФ не позволяет расценивать как мошенничество обманы, способствующие извлечению имущественных выгод, не связанных с приобретением имущества или права на него.

К рассматриваемому объекту исследования следует осторожно подводить какое-либо однозначное определение, тем более из доктрины уголовного права. Можно выделить ряд дефиниций, которые будут мало соответствовать определению сущностного преступного, возникающего в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Здесь не следует оперировать такими терминами как: «посягательство на отношения в сфере предпринимательства»⁴, «преступления предпринимателей»⁵, «бизнес-преступления»⁶ которые могут быть связаны с иными объектами, защищенными уголовным законом, например, с рейдерскими поглощениями, корпоративными криминальными конфликтами, с инсайдерской деятельностью. Хотя для этих преступных проявлений характерно то, что они преимуще-

³ См.: Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. — М., 2012. — С. 112

⁴ См.: Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Проспект. — М., 2011. — С. 12.

⁵ Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // <http://crimpravo.ru/blog/1314.html>.

⁶ Скобликов П. Бизнес-преступления: неоптимистический прогноз // Юридическая газета. — 2011. — № 9. — С. 12.

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. — 1993. — № 4. — С. 17.

² См. подробнее: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 4-е изд. — СПб., 1901. — С. 162.

ственно совершаются участниками юридических лиц в ходе ведения крупного и среднего бизнеса.

В связи с выработкой искомого операционального понятия, следует понимать, что к перечню преступлений в сфере предпринимательства не следует относить деяния, имеющие отношения к сфере предпринимательства в качестве основного, дополнительного, обязательного либо факультативного объекта⁷. Такой подход чреват необоснованным расширением преступных свойств деяний, которые могут совершаться вообще участниками предпринимательских отношений, а не только предпринимателями.

Более ясную картину происхождения преступного в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, которая будет способствовать выработке искомого операционального понятия, могут дать следующие криминологически значимые суждения. Представляется, что адекватная оценка преступного деяния, возникающего в связи с осуществлением предпринимательской деятельности или в ходе ее осуществления, крайне затруднена, поскольку в настоящее время отсутствуют критерии достаточности уголовно-правового запрета. Данная гипотеза вполне может подтверждаться недавно введенными законодательными инициативами о расширении составов преступлений мошенничества, которые введены в УК РФ Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. №207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ»⁸. В результате этих нововведений появилась линейка мошеннических действий, каждое из которых может совершить предприниматель. Таковую линейку образуют деяния, предусмотренные ст. 159.1. — «Мошенничество в сфере кредитования» УК РФ, ст. 159.2. — «Мошенничество при получении выплат». Есть и специальные нормы, имеющие самое непосредственное отношение к рассматриваемым в настоящей работе общественным отношениям, возникающим в связи с совершением преступлений в ходе предпринимательской деятельности. Это ст. 159.4. — «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», ст. 159.5. — «Мошенничество в сфере страхования».

Думается, что расширение состава преступлений мошенничества, может способствовать криминализации действий легитимных предпринимателей, которые используют не по целевому назначению полученные банковские кредиты или не могут их своевременно вернуть. Между тем введение новых уголовно-право-

вых запретов сложно посчитать продуцирующим преступное в деяниях предпринимателей, нежели действие иных криминологически значимых факторов, как то: коррупция в среде правоохранительных органов, произвол со стороны чиновников, ограничивающих конкуренцию. В этой связи издержки государства на оптимизацию УК РФ и уголовное преследование в сфере предпринимательства намного существенней и больше, чем достигаемые результаты уголовно-правовой охраны этой сферы. Более значимой могла бы являться задача обеспечения уголовно-правовой защитой самих предпринимателей, их собственности и имущества, личной неприкосновенности.

Отсутствие внимания к вопросам такого обеспечения способно производить более емкие и сильные криминогенные факторы, по общественной опасности, превышающие те, которые содержатся в деяния, запрещенных в настоящее время УК РФ. К числу таких факторов можно отнести те, которые произрастают из экономических линий детерминации, связанных например, с достижением наиболее эффективной и прибыльной деятельности. В условиях агрессивных коррупционных притязаний и административного давления на бизнес, предприниматель вынужден прибегать к необходимости допущения отступлений от договорных и законных оснований деятельности, что позволяет возмещать разницу в потерянных ресурсах и упущенных возможностях, необходимых для инвестиций в развитие дела, совершенствования хозяйственной деятельности. Вопрос только в том, какими способами происходит возмещение. Допустимы и социально приемлемы те формы возмещения (компенсации), которые не предусматривают противоправных действий. Это может быть, например, интенсификация производства продукции, либо расширение возможностей оказания услуг. Однако следует понимать, что такой подход неминуемо повлечет самые разные издержки (кадровые, финансовые, производственные), которые негативно скажутся на деле, на самой сути предпринимательской деятельности. При этом может быть продуцирован и совершенно преступный путь возмещения издержек. Вот как его прогнозируют социологи: «Преодоление искусственно создаваемых «административных барьеров» требует от предпринимателей наличия свободных финансовых средств, не учтенных налоговыми органами, что порождает сокрытие доходов от налогообложения. Но данное делинквентное явление провоцирует и санкционирует мошенничество внутри самих частных фирм»⁹.

⁷ Противной позиции придерживается Горелов А.П. См.: Горелов А.П. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере предпринимательства // Российский следователь. — 2004. — №6. — С. 24.

⁸ См.: СЗ РФ. — 2012. — № 49. — Ст. 6752.

⁹ См.: Корепанова И.А. Социальная специфика экономической преступности в современной России: автореф дис. ... канд. соц. наук. — Новочеркасск. 2011. — С. 10.

В такой ситуации становится практически невозможным конвертировать потери другим приемлемым путем, вывести бизнес из оков принципа «все или ничего», применить какие-либо иные стимулирующие, компенсирующие или восстанавливающие меры.

Рассматривая генезис становления предпринимательского поведения преступным, которое возникает в ходе осуществляемой ими хозяйственной деятельности, нельзя обойти вниманием стереотипы ментального юрико-догматического суждения о происхождении криминального. Так, некоторыми специалистами обстоятельно утверждается, что нарушение главного интереса предпринимательской деятельности, выраженного в систематическом получении прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, представляет собой экономическое правонарушение¹⁰. Существуют и более радикальные мнения о том, что предпринимательство используется для прикрытия совершения экономических преступлений¹¹.

Такая, излишне широкая трактовка взаимосвязей предпринимательства и преступности, когда они рассматривается в качестве слагаемых, представляется не оправданной. При таком подходе смешиваются различные, хотя и тесно связанные проблемы. Авторская позиция продиктована избранной темой исследования, которая «задает» узкий подход к изучению преступных проявлений, вызванных или связанных с осуществлением предпринимателем своей хозяйственной деятельности, в том числе возникновение которых опосредованно недостатками правового регулирования и практики правоприменения. При этом не менее важно определить компоненты субъективных и объективных факторов в совершаемых предпринимателями уголовно-наказуемых деяниях. Здесь можно прибегнуть к весьма критичному для классической криминологии многомерному социологическому подходу к оценке преступления, связанному с определением положительных его черт по отношению к предпринимательству.

Измеряя уголовно-правовые деяния предпринимателей в диалектике позитивного и негативного, позитивные их стороны, для субъектов их совершивших, могут выражаться в том, что они выступают эффективным средством получения выгод при неосознанном нанесении общественно опасного вреда, являются средством преодоления менее общественно опасных рисков, связанных с решением бизнес-задач. При дан-

ном подходе преступления, возникающие в ходе осуществления хозяйственной деятельности, выступают побочным нежелательным, но закономерным продуктом предпринимательских рисков.

Подвергаемые исследованию преступные проявления в области предпринимательской деятельности обладают определенной спецификой. Во-первых, их отличает отсутствие очевидного демонстративного нарушения правовых норм. Во-вторых, они совершаются непосредственно в процессе предпринимательской деятельности, в ее границах и пределах компетенции предпринимателя. В-третьих, как правило, отсутствуют персонифицированные потерпевшие при всей возможной множественности объектов преступных посягательств.

Посягательства на охраняемые уголовным законом ценности опосредуют реакцию законодателя, а затем и правоприменителя. Законодатель определяет возможности уголовно-правового воздействия на преступные проявления предпринимателей. Безусловно, что установление запретительных норм должно иметь известную степень обоснованности. Здесь как нельзя важен учет причинных факторов преступного в действиях предпринимателей, внимание к процессам детерминации «становления» действий криминальными, и даже прогноз их подверженности тем мерам, которые вводятся. При отсутствии всего этого, уголовный закон перестает выполнять охранную функцию в плоскости искажений, связанных с отсутствием его криминологической обусловленности, и его нормы становятся инструментом правоприменителей. Не взвешенное правоустановление норм уголовного закона создает благоприятные предпосылки для дискреции (усмотрения) правоприменителей, в том числе и судей при рассмотрении уголовных дел о преступлениях предпринимателей, продуцированных рисками хозяйственной деятельности.

В такой позиции, как отмечает Т.Г. Морщакова, «действующее уголовное законодательство именно в сфере экономическо-предпринимательской деятельности не может быть признано социально эффективным»¹².

Определение социальной эффективности уголовного законодательства, может прояснить многое в генезисе преступного при предпринимательской деятельности. Однако, учитывая всю возможную широту такого определения, предлагается остановиться только на самых важных криминологически значимых позициях.

В общей теории криминологии утверждается, что нормы уголовного закона формулируют понятие преступного, «как бы «выбирая» из реальной жизни те со-

¹⁰ Кузнецов А.П. Преступления в сфере экономической деятельности (понятие, место, классификация) // Следователь. – 1999. – № 4. – С. 5.

¹¹ Яковлев А.М. Социология экономической преступности. – М.: Наука, 1988. – С. 50.

¹² О концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере // Налоговый вестник. – 2010. – № 12. – С. 9.

циальные явления, которые наносят наибольший вред общественным отношениям», при этом подчеркивается, что правовые средства эффективны и справедливы тогда, «когда являются составной частью социально-экономических и культурно-воспитательных мер»¹³.

Эти магистральные тезисы предлагается спроецировать на ситуации, которые могут обуславливать допущение противоправного предпринимателями. В одном случае, это может быть правовой нигилизм и юридическая безграмотность в отправлении хозяйственных операций. Здесь достаточно отметить отсутствие на государственном уровне системы правового просвещения предпринимателей, их всеобщая в условиях динамично развивающихся рыночных отношений, в условиях их скорого и неотвратимого запуска.

В другом случае, предприниматель становится без вины виноватым. Это те ситуации, когда обнаруживается несоответствие законодательства потребностям хозяйственной практики, или когда ранее установленные правовые дозволения вдруг в одночасье прекращают свое действие, либо подвергаются существенным изменениям.

Показательным здесь может являться пример не выдачи в конце 2002 г. предпринимателям патентов на право применения упрощенной системы налогообложения (ранее предусмотренной Федеральным законом от 29 декабря 1995 г. №222 «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства»). С введением в действие с 1 января 2003 г. ст. 346.13 Налогового кодекса РФ, предусматривающей ограниченный срок подачи заявления (октябрь — ноябрь 2002 г.) на упрощенную систему налогообложения, многие предприниматели попросту не успели этого сделать.

Таким образом, предприниматель, приобретая обыкновенное пользоваться преимуществом так называемой «упрощенки» для развития и планирования бизнеса, оказался принужден законодательным решением о замене уплачиваемой годовой стоимости патента на использование упрощенной системы налогообложения (выраженного в фиксированном платеже) на уплату единого налога на доход за отчетный период. Можно предположить, что конвейерный процесс подачи исков предпринимателей к налоговым органам в связи с отказами в оформлении «упрощенки»¹⁴ явился отражением возникших бизнес-рисками, с которыми

предприниматели вынуждены столкнуться, но и реальным уголовно-правовым воздействием, связанным с неуплатой налогов.

Как справедливо отмечается в литературе, установление провоцирующих ограничений «становится причиной девиантного поведения людей и связанного с ним хаоса и анархии в предпринимательских отношениях»¹⁵. Определенная часть предпринимателей может испытывать замешанный на объективных и субъективных началах фактор «подталкивания», провоцирующий преступные проявления, которые обусловлены необходимостью оптимизации расходов на бизнес. Набор средств такой оптимизации может быть различным. Для целей настоящего исследования принципиально важно подчеркнуть то обстоятельство, что необходимость в ней возникает по причине коррупционных рент, которые приходится оплачивать.

Так, социолого-экономические исследования свидетельствуют, что обстоятельства ухода малого бизнеса в тень в 50% случаев связаны с необходимостью осуществлять неформальные платежи: за лицензии и разрешения, аренду помещений и земли, получение выгодных контрактов, покупку сырья и оборудования, привлечение займов без оформления официальных документов¹⁶.

При прочтении данной части настоящей работы, может возникнуть представление, что автором предпринимается попытка аргументированного оправдания девиантного, околориминального либо непосредственно преступного в действиях предпринимателей. Однако это не так. Внимание к поднимаемым проблемам продиктовано исследовательскими задачами выявления процессов детерминации преступных проявлений, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. И следует признать, что криминообразующие признаки, сопутствующие деятельности предпринимателей или возникающие в ходе ее осуществления, обладают высокими рисками воплощения в реальности.

Экспертами отмечается, что предпринимательство в России ориентировано на завышенную норму прибыли, в отличии от других зарубежных национальных экономик. Указывается на 50-70% прибыли, по-

¹³ Курс советской криминологии: предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. — М., 1985. — С. 150.

¹⁴ Правомерность позиций истцов из числа предпринимателей, была подтверждена Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июня 2004 г. № 14894/03 // Вестник ВАС РФ. — 2004. — № 9.

¹⁵ Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. — М., 2006. — С. 125.

¹⁶ Шестоперов О.М., Щетинин О.А. Оценка доли теневого оборота в малом предпринимательстве в 2002-2006 гг. (по результатам опроса субъектов малого предпринимательства) // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России / Материалы Всероссийской научной конференции. М., Научный эксперт. 2007. — С. 306.

звolyающей считать бизнес рентабельным в России¹⁷. Следует понимать, что экономическая сторона такой высокой прибыли связана с издержками бизнеса, и не в последнюю очередь с криминализацией экономико-предпринимательских отношений. Однако данное обстоятельство несколько не оправдывает положение субъектов, занятых предпринимательской деятельностью, допускающих преступное при осуществлении бизнеса. Субъективный фактор здесь занимает ведущее положение в продуцировании преступного поведения. Норма прибыли характеризует не только эффективность бизнеса, она определяет также активность предпринимателей и даже их отношение к соблюдению правовых норм и законов. Примечательно в этой связи следующее замечание, относящееся к середине XIX в. и актуальное до настоящего времени: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹⁸.

Итак, принимая во внимание субъективный фактор отношения субъектов предпринимательской деятельности к допустимости (готовности) совершения преступных проявлений, для дальнейших целей настоящего исследования принципиальна классификация указанных субъектов, как минимум на две группы.

Первая группа — лица, инициативно избирающие или допускающие криминальные формы и способы ведения бизнеса, сознательно идущие на нарушение уголовно-правовых запретов.

Вторая группа субъектов преступлений, как представляется, обладает особенной характеристикой. Их преступные действия возникают опосредованно от предпринимательской деятельности, напрямую не связаны с целью получения незаконных доходов. Если рассматривать их поведение в контексте механизма преступного поведения, то можно обнаружить что стадии мотивации и принятия решения могут включать поступки, которые уголовным законом не расцениваются как приготовление к совершению преступления. Эти субъекты, являясь представителями легального предпринимательства, приспособляются к экономическим условиям ведения бизнеса через девиантное

или преступное поведение, которое чаще всего в их самосознании таковым не представляется. В специальной литературе рассматриваются типовые случаи такого поведения, которое может выражаться, например «в решении своих экономических проблем путем включения в состав учредителей, способных внести в уставный фонд предприятия большую сумму имущества незаконного происхождения»¹⁹.

Такие субъекты в определенной степени сами становятся виктимны в тех случаях, когда их бизнес становится мишенью для административного давления (связанного например, с проведением необоснованных проверок и приостановлением лицензий, введением ограничений для занятия бизнесом), недобросовестной конкуренции со стороны субъектов, аффилированных с чиновниками, вымогательства взятки, и даже рейдерским захватом. Виктимность в данном случае не рассматривается в рамках взаимоотношений предпринимателя-потерпевшего и преступно настроенных по отношению к нему субъектов. Для целей настоящего исследования гораздо важнее отметить другое свойство виктимности, которую можно представить как итог более широкого конфликта предпринимателя с окружающей средой. В результате такого конфликта образуются криминогенные факторы, которые обуславливают совершение предпринимателями деяний, которые впоследствии становятся предметом уголовно-правовой квалификации.

В качестве изучаемой выборки таких деяний предлагается сконцентрироваться на ряде статей УК РФ, предусматривающих преступления, которые могут совершаться в ходе осуществления предпринимательской деятельности. Это следующие уголовно-наказуемые деяния: ст. 160 — «Присвоение и растрата», ст. 165 — «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», ст. 171 — «Незаконное предпринимательство», ст. 171.1. — «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции», ст. 174 — «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 174.1 — «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», ст. 176 — «Незаконное получение кредита», ст. 177 — «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», ст. 194 — «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица»,

¹⁷ См.: http://www.forekc.ru/b27/index_147.htm

¹⁸ T.J. Dunning. «Trade's Unions and Strikes». London, 1860, стр. 35, 36

¹⁹ Арестов А.И. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью: Монография // СПС КонсультантПлюс. 2007. — С. 31

ст. 195 — «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 — «Преднамеренное банкротство», ст. 197 — «Фиктивное банкротство», ст. 198 — «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица», ст. 199 — «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации», ст. 199.2 — «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно про-

изводиться взыскание налогов и (или) сборов». Наряду с этим особо следует выделить ранее упоминавшиеся уголовно-наказуемые формы мошенничества, совершение которых также характерно для исследуемых общественных отношений, подвергаемых уголовно-правовому регулированию. Это ст. 159.1. — «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 159.4. — «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности».

Библиографический список:

1. Арестов А.И. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью: Монография // СПС КонсультантПлюс. 2007.
2. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. — 1993. — № 4.
3. Кузнецов А.П. Преступления в сфере экономической деятельности (понятие, место, классификация) // Следователь. — 1999. — № 4.
4. Корепанова И.А. Социальная специфика экономической преступности
5. в современной России: автореф дис. ... канд. соц. наук. — Новочеркасск. 2011.
6. Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // <http://crimpravo.ru/blog/1314.html>.
7. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. — М.: Норма, Инфра-М, 2012.
8. Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности. — М., 2011.
9. Скобликов П. Бизнес-преступления: неоптимистический прогноз // Юридическая газета. — 2011. — № 9.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. — СПб., 1901.
11. Шестоперов О.М., Щетинин О.А. Оценка доли теневого оборота в малом предпринимательстве в 2002-2006 гг. (по результатам опроса субъектов малого предпринимательства) // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России / Материалы Всероссийской научной конференции. — М., 2007.
12. Цветков И.В. Договорная дисциплина в хозяйственной деятельности предприятия: теория и практика. — М., 2006.
13. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. — М., 1988.

References (transliteration):

1. Arestov A.I. Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye mery bor'by s organizovannoy prestupnost'yu: Monografiya // SPS Konsul'tantPlus. 2007.
2. Kuznetsova N.F. Kodifikatsiya norm o khozyaystvennykh prestupleniyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. — 1993. — №4.
3. Kuznetsov A.P. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (ponyatie, mesto, klassifikatsiya) // Sledovatel'. — 1999. — №4.
4. Korepanova I.A. Sotsial'naya spetsifika ekonomicheskoy prestupnosti
5. v sovremennoy Rossii: avtoref dis. ... kand. sots. nauk. — Novochoerkassk. 2011.
6. Luneev V.V. O kriminalizatsii ekonomicheskikh prestupleniy predprinimateley // <http://crimpravo.ru/blog/1314.html>.
7. Lopashenko N.A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya. M.: Norma, Infra-M, 2012.
8. Rusanov G.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. — M., 2011.
9. Skoblikov P. Biznes-prestupleniya: neoptimisticheskiy prognoz // Yuridicheskaya gazeta. — 2011. — №9.
10. Foynitskiy I.Ya. Kurs ugovolnogo prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye. — SPb., 1901.
11. Shestoperov O.M., Shchetinin O.A. Otsenka doli tenevogo oborota v malom predprinimatel'stve v 2002-2006 gg. (po rezul'tatam oprosa sub'ektov malogo predprinimatel'stva) // Gosudarstvennaya politika protivodeystviya korruptsii i tenevoy ekonomike v Rossii / Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. — M., 2007.
12. Tsvetkov I.V. Dogovornaya distsiplina v khozyaystvennoy deyatel'nosti predpriyatiya: teoriya i praktika. — M., 2006.
13. Yakovlev A.M. Sotsiologiya ekonomicheskoy prestupnosti. — M., 1988.